

ЭКСКЛЮЗИВ | Израильские гости побывали в редакции «ММ»

ЕЛЕНА ЛЕЩИНСКАЯ

На авансцену выходит Игорь Губерман, и аплодисменты перерастают в овацию. Поэт берёт микрофон и, без каких-то внешних эффектов, мастерски удерживает внимание зала. Какие-то шутки доходят сразу, а порой взрыв хохота звучит после паузы. А мужчина в белой рубашке, к которому прикованы взгляды сотен зрителей, чередует стихи, щедро одобренные крепким словом, с жизненными зарисовками, где порою сквозь юмор пробивается печаль и горечь.

Право говорить правду

Удивительно, насколько современно звучат сегодня стихи Игоря Мироновича о природе власти и лакейском менталитете её прислужников, написанные на заре перестройки. Впрочем, чему тут удивляться? Времена меняются, а люди остаются людьми. С их пороками и слабостями. И внутренним стержнем, позволяющим выстоять вопреки всем бедам. И посмеяться, пусть порою сквозь слёзы, — над этими самыми бедами, над несбывшимися надеждами, над неотвратимой старостью и, в конечном счёте, над собой. Это одна из самых ярких черт творчества Губермана — самоирония. К себе он, пожалуй, беспощаднее, чем к прочим персонажам своих гариков.

Вместе с мэтром выступал его импресарио Виктор Березинский, известный композитор и исполнитель. Второе отделение концерта открыли любимые публикой шлягеры в стиле ВИА 70–80-х годов прошлого века и несколько современных композиций на идише и иврите. Во время песенной программы Виктора стопка записок Губерману росла. Вопросы, шутки и забавные житейские казусы, у которых есть все шансы войти в будущие книги Игоря Мироновича — он давно и целенаправленно собирает смешные истории от своих читателей и зрителей.

Он был прекрасен в своём не нарочитом, предельно естественном остроумии, в искренности не напоказ. Мне не раз вспомнилось булгаковское: «Правду говорить легко и приятно». За своё право говорить правду Губерман заплатил годами лагеря и ссылки — и не озлобился, остался жизнелюбивым человеком, со-

четающим в себе острый критичный ум — и великую доброту, не позволяющую дистанцироваться от чужой боли.

Концерт пролетел на одном дыхании. Но на сцене раскрываются лишь некоторые стороны многогранной личности и творчества Игоря Губермана. Наверняка многие из тех, с кем мы 10 апреля были вместе в зале драмтеатра, захотят перечитать его книги и глубже погрузиться в поэзию, где нет лишних слов и проходных образов — а есть мастерское владение языком, чёткая и честная, выстраданная позиция...

В день приезда автора знаменитых гариков в Магнитогорск мне посчастливилось пообщаться с ним в стенах редакции «Магнитогорского металла», куда они с Виктором Березинским заехали в гости на чашечку кофе.

«Мы — гастрольбайтеры»

— У Дины Рубиной есть рассказ «Я — офеня», где она сравнивает себя, путешествующего с концертами писателя, с офеней — корабейником, развозящим по деревням мелкий товар. Она вспоминает, что вы на это ответили: «А я вообще жулик». Если серьёзно — что значит для вас поездки с выступлениями?

— Я давно придумал формулировку для нас с Юликом Кимом: мы — га-

строльбайтеры. Мы ездим и что-то там читаем, поём. Вот, собственно, и всё. Офеня разносит всякие товары, а мы ничего полезного не разносим, только рассказываем.

— А вы считаете, что просто рассказывать — это «ничего полезного»?

— Ну, немножко так, умеренно.

— Игорь Миронович, какой вопрос у вас самый нелюбимый, если не считать «почему вы материтесь»?

— Про «материтесь» мне просто смешно, а вопрос самый нелюбимый, наверное, — как у вас с ивритом?. Потому что у меня очень плохо с ивритом, никак, вот я и не люблю этот вопрос. Его всегда задают и сегодня зададут наверняка.

«Язык — как океан»

— Когда русскоязычные литераторы уезжают в чуждую языковую среду, как они ни стараются придерживаться корней, у них появляются неправильности в словопользовании. Например, не видят разницы между «цветом воронова крыла» и «вороньего». Есть и совсем анекдотические ситуации. Вы с ними сталкиваетесь? И не чувствуете ли на себе влияния среды?

— Я с ними сталкивался, да. У нас безумное количество русскоязычных газет, как в Америке, и там часто очень смешные ляпы. Сейчас не вспомню, но они есть. Но это ведь не писатели, это журналисты. Боюсь, на родине у них были точно такие же ляпы, было плохо с языком. Не знаю хороших писате-

лей, у кого бы в эмиграции язык ухудшился. Если человек уехал писателем и у него сформирован языковой запас, то с ним уже ничего произойти не может. Он остаётся носителем старого, живого и полнокровного русского языка, который сейчас в России очень сильно скукожился. Он стал убогий, он стал гораздо меньше по словарю, в нём появилось чудовищное количество иностранных слов, употребляемых ну совершенно не по делу — есть адекватные заменители на русском языке.

— Может быть, это процесс, который происходит с языком безостановочно? Если вспомнить, как Лев Толстой раздражался на слова «электричка» и «открытка», считая их уродливыми новообразованиями...

— Язык, как океан — сам себя очищает от мусора. Многочисленные сленги отмирают, а эти слова, которые раздражали Толстого, язык принял. А бывает, современные писатели употребляют модные слова, а они куда-то деваются.

— Что для вас сегодня языковой ориентир?

— Я привык к русскому языку Чехова и Лескова, даже к сегодняшнему языку замечательных писателей. Что я выучил, то и мой ориентир. Тезаурус. Всё своё ношу с собой.

— А что является для вас эталоном поэзии? И где грань между поэзией и графоманией?

— Это очень тонкая грань. Для меня поэты — это Блок, Пушкин. Люблю Заболоцкого. Он, по-моему, недооцененный великий русский поэт. Я очень многих поэтов люблю. Можно ли считать их моими ориентирами? Наверное, нет, потому что я пишу немножко другие стишки, короткие — четверостишия, здесь для меня ориентиры я даже не знаю кто... Вы знаете, был такой поэт в начале века двадцатого, Дон-Аминадо — это его псевдоним, настоящее имя Ами-

нодав Шполянский, эмигрировал в 20-м году. Написал безумное количество прекрасных четверостиший. Был замечательный совершенно, гениальный поэт Николай Глазков. Вот на них, наверное, ориентируюсь. А так, в общем-то, на себя.

— «Ты сам свой высший суд»?

— Конечно. Лишь ты умеешь оценить свой труд.

— А возможно ли в принципе уверенно сказать о человеке, пишущем без откровенных ляпов, на более-менее нормальном уровне, что его творчество останется в истории?

— Сегодня безумное количество высокой техники слагания стихов, а поэзии там нету. Очень много пишущих, а что останется, решит только время. Знаете, когда хоронили Некрасова, то, по моему, Достоевский произнесил о нём речь на кладбище и сказал, что он как Пушкин. И несколько сот студентов закричали: «Выше! Выше!» Сегодня отчетливо видно, что это не так.

— Есть мнение, что в современной русскоязычной литературе превалирует художественная форма над содержанием, во главе угла — увлекательность сюжета, внешний блеск при отсутствии глубины. Согласны ли вы с этим?

— Ну, для одних важен сюжет и чтобы через страницу убивали и через страницу насиловали, а для других важна глубина содержания и они могут читать задушливую литературу. Например, Маканина читать тяжело, а писатель прекрасный. Я очень люблю ещё Пелевина, он писатель для многих сложный и неприемлемый. Что важнее, форма или содержание? Важны и форма, и содержание. И что должно быть главным, я не знаю.

«Я не такой дурак, чтобы давать советы»

— Раз уж вы упомянули Некрасова... Как раз он говорил о гражданском долге поэта...

— Чуть он порол, притворился. — Предназначение поэзии — в самой поэзии?

— Совершенно точная формулировка, больше ничего и не надо.

— Есть ещё одна точная формулировка, которая не раз звучала в ваших интервью прежних лет: «Я не такой дурак, чтобы давать советы».

— Конечно. Я прожил на свете почти 78 лет и ещё не встречал умных людей, которые дают советы. Потому что совет — это всегда некая ответственность за человека. Дашь совет — а как этот человек поступит и что с ним случится дальше, совершенно же непонятно.

— А вы за что готовы брать на себя ответственность в этом мире а за что нет?

— За семью и за детей. И за себя. И за свою честь и достоинство. Больше абсолютно ни за что. А всё, что помимо этого, решают другие люди, решают коллективы, решает история, решает ситуация. Я ответственен только за благополучие своей семьи.

— О «семье» в более широком смысле слова — у вас огромное количество почитателей, для которых вы...

Он был прекрасен в своём не нарочитом, предельно естественном остроумии

